
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-VIII

посвящен 190-летию Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН
(СПбФ ИВ РАН)

Составитель и автор предисловия И. В. Кульганек

St. Petersburg
2008

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Редакционная коллегия:
И. В. Кульганек (председатель), Л. Г. Скородумова, Н. С. Яхонтова

*Издание сборника осуществлено при финансовой поддержке
Санкт-Петербургского научного центра*

Монголика-VIII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. — 160 с.

Восьмой выпуск сборника посвящен 190-летию Азиатского музея, предшественника Института восточных рукописей (Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН). Имеет те же разделы, что и предыдущие выпуски: «Историография и источниковедение»; «Литературоведение и фольклористика»; «Из архивов отечественных востоковедов»; «Научная жизнь»; «Наши переводы». Статьи об истории монголоведения, о формировании рукописных и архивных фондов Санкт-Петербурга, а также историографические, литературоведческие, текстологические и лингвистические написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и монгольскими специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги и монгольские переводы художественной литературы.

Статьи, написанные в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголыязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей России и Центральной Азии.

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *М. В. Вялкина*

Макет подготовлен издательством «**Петербургское Востоковедение**»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111

E-mail: pvcentre@mail.ru

Подписано в печать 15.10.2008. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 уч.-изд. л. Заказ № 697

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-392-9

© Петербургское Востоковедение, 2008

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	5
Т. Ю. Евдокимова, И. В. Кульганек	Страницы из истории монголоведения в Санкт-Петербургском государственном университете	12
И. В. Кульганек	Монгольский рукописный фонд Института восточных рукописей РАН	28
И. Ф. Попова, Н. Д. Путинцева, И. В. Кульганек	Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН	31
Историография, источниковедение		
Е. И. Кычанов	Тангутские (Си Ся) источники о татарах	34
Ю. И. Дробышев	Историография изучения этнической экологии монгольских кочевников Центральной Азии	37
А. Г. Юрченко	Монгольская империя на Каталанском атласе 1375	50
Литературоведение, фольклористика, текстология		
Л. Г. Скородумова	Об эволюции художественного образа в монгольской литературе	61
С. Байгалсайхан	Монгольские ученые о монгольской литературе	69
К. В. Алексеев	О некоторых проблемах изучения средневековых монгольских переводов с тибетского	75
С. Хувсгул	Действующие лица религиозной драмы Д. Равджи «Лунная кукушка»	81
С. С. Сабрукова	Текстологический анализ двух монгольских переводов «Бодхичарьяаватары» (Bodisud nom-un yabudal-dur ogoqu peretu sastir orosibai)	86
Б. С. Дугаров	Пантеон восточных тэнгриев в эпосе «Абай Гэсэр Богдо хан»	93
М. П. Петрова	Ритуальная поэзия Д. Бямбадорджа	100
Р. В. Ивлева	Рассказ Д. Норова «Синий камень»	104
Б. Сухэ	Исторические корни монгольского театра	106
Т. А. Пострелова	П. Пясецкий в Монголии	113
Н. С. Яхонтова	Названия Луны (санскрит — тибетский — монгольский)	118
Из архивов востоковедов		
И. И. Ломакина	Главы из неопубликованной повести «Географ Андрей Симуков. Документальный рассказ о русском землепроходце-исследователе Монголии Андрее Дмитриевиче Симукове (1902—1942)». Подготовка к печати, введение и комментарий Н. А. Симуковой	128
	Новые книги по монголоведению	136
Наши переводы		
Д. Батбаяр	Прозаические миниатюры. Пер. Л. К. Герасимович	141
	Охотничьи рассказы монгольских писателей. Пер. Л. Г. Скородумовой	145
Б. Лхагвасурэн	Стихи. Пер. П. М. Петровой	153
Б. Явухулан	Стихи. Пер. Л. Букиной	155
	Современная монгольская поэзия: Ц. Тумэнбаяр, Л. Хасар, С. Билигсайхан, С. Оюнгогс, Т.-О. Эрдэнэцогт, П. Бадарч. Пер. Е. Мальцевой, И. Содномовой, Д. Куленкова, А. Курбешевой, Е. Васько, Д. Водяницкой	157
Summary	159

Р. В. Ивлева

Рассказ Д. Норова «Синий камень»

Рассказ Д. Норова «Синий камень»¹ тематически традиционен и относится к произведениям о родине. Рассказ — мироощущение, в котором родина и лирическое «я» писателя органически связаны. Само понятие родины раскрывается через сугубо личное, интимное переживание, индивидуальное и не похожее на другие: «Никто не осмелится заявить как я: „Моя родина — камни родного кочевья. Мое сознание очаровано ими. Другие не чувствуют их, как я. Не знают, что значит быть твердым как камень и мягким как камень, что у камня есть запах“».

Именно такое восприятие родины является самым важным в миропонимании и мироощущении героя. Камень для него не просто природный материал, а некая духовная субстанция, его личная философия, мерило всему и неизменная точка отсчета. Родной нутак² героя, судя по описаниям пейзажа, находится в скалистой местности. Отсюда становится понятным и олицетворение камня с родиной.

Несомненно, еще в детстве герой играл с камнями, отыскивал камни разнообразных цветов и форм, угадывал в них фигурки животных и людей... Он вглядывался, вдумывался в камень, ощущая в руках его то теплую шероховатую, то скользкую и холодную поверхность. Камень будил его воображение, рождал размышления. Таким образом, камень развивал и воспитывал его, формировал жизненную философию и мировоззрение. Поэтому камень для героя не только олицетворение родины, но и нечто большее, лежащее в основе постижения и понимания им жизни.

Центральное место в метафорической системе рассказа занимает продолговатый синий камень, похожий на фигурку человека: «Стремясь сделать из него подобие каменной бабы, он кварцем выпилил на нем небольшие канавки — получилось лицо». Этот камень формировал жизненную философию героя. Автор наделяет «Синий камень» (как природу камня вообще) духовной субстанцией.

Неслучаен и синий цвет камня, культовый для монголов: «Если бы я не чувствовал камень, то перестал бы быть монголом», — говорит он. Невольно напрашивается параллель «синий камень» — «синий

монгол». Синий камень несет покой в душу героя, его отсутствие рождает неуверенность, словно теряется центр упорядоченного движения. Потеря «синего камня» в рассказе символизирует потерю духовных ориентиров, утрату реального ощущения родины и себя как сына родной земли. В таком одухотворении и почитании камня отражается шаманское поклонение духам различных стихий. Однако не глубокий подтекст и не образно-метафорическая система сама по себе делают рассказ Д. Норова значительным явлением в прозе. Новыми в нем являются приемы, которые использует автор.

Человек приезжает на родину. Он чувствует себя «перелетной птицей, вернувшейся на родное озеро», «всадником, наконец почувствовавшим радость соприкосновения с матушкой-землей». Только сейчас он в полной мере ощущает накопленную усталость и чувствует, что только родная земля поможет ему отдохнуть. До какого-то момента это философичный рассказ, но все же не выходящий за рамки традиционных (реалистических) норм изображения человеческих чувств и мыслей. Но постепенно происходит перелом, повествование переходит к чисто субъективному видению вещей, в котором реальное перемешивается с нереальным, смещаются и трансформируются время и пространство.

Такой переход подготавливается тем, как воспринимает герой окружающую его природу: «...смутно виднеется размытая в белом вечернем тумане долина западных гор, где-то вдалеке слышится лай собаки, раздаются ржание лошадей, аромат полыни кружит голову». Такое, казалось бы, обычное описание природы для истосковавшегося по родине героя значит очень много. Окружающая его природа приводит к мысли: «Здесь мой каменный дом». И эта фраза — ключевая для последующих размышлений. Дальше все подчинено тому, чтобы определить, насколько верно это утверждение. Неужели ничего не изменилось в нем за эти годы? Смог ли он сохранить в себе истинное единение с родиной? Автор как бы вглядывается внутрь себя, освобождаясь от зашоренности стереотипных представлений. Для этого он умышленно дистанцирует героя от образа, который явля-

ется его собственным представлением о самом себе. Более того, он освобождает этот образ из-под влияния сознания (оно только наблюдает) и предоставляет ему возможность действовать самостоятельно. Происходит как бы раздвоение персонажа. Появляется второй, который на самом деле существует всего лишь в самосознании героя. Но он реально существует в произведении, ему передаются действия второй половины рассказа. Самому же герою теперь отводится место стороннего наблюдателя. Он не вмешивается в происходящее, и для него неожиданно многое из того, что происходит. Таким образом, второй персонаж, являясь производным от первого и будучи наделен свободой от сознательного, становится чем-то вроде истинного лица героя. Это сразу же приводит к несоответствию. Выясняется, что то, каким представлял себя герой, не совпадает с тем, кем он является на самом деле.

Герой считал себя настоящим хозяином на родной земле, а родную землю — «своим каменным домом». И когда осмотрелся, все вокруг вроде бы было на своем месте. Но сам он был чужим здесь, не хозяином, а всего лишь гостем. «В левой половине юрты хозяйка переливает чай. В правой — сидит гость. Хозяина (герой подразумевает себя) нет. Наверное, на пастбище или на охоте. ... Чай готов. Гость сидит. ... Даже дворовая собака на месте, почему же меня нет?.. Да я и есть гость! — подумал он, будто придя в себя. Действительно, я и есть гость». Слишком много времени прошло вдали от родины, многое изменилось в нем. И герой не сразу понимает это. Человеку вообще свойственно не сразу осознавать случившееся, особенно если это касается не конкретных фактов, а таких глубоко внутренних ощущений, как здесь — чувства дома, ощущения хозяина, отчуждения от того, что всегда считал своим родным и близким. И это понимание становится серьезным потрясением. Герой, осознав, что перестал быть хозяином, говорит: «Неужели я оказался выброшенным на задворки?» В собственном самосознании он действительно оказался выброшенным из центра на «задворки», «выброшен к овчарне», «брошен к собакам».

Герой принимает реальное положение вещей, но утешает себя тем, что он все же существует. «Но ведь есть же я. Можно выкинуть из дома, но из вселенной не выкинешь», — говорит он и понимает, что не все потеряно. Надо только найти тот «синий камень» — точку опоры. Герой возвращается в юрту. Камень находится где-то там. Однако теперь он идет туда как гость. И полностью осознает это. Потому на этот раз все происходит без недоразумений. И вот он снова в юрте. События повторяются, но об этом никто, кроме него, не знает. В первое посещение он считал себя хозяином, ему казалось даже, что хозяйка юрты — его жена. Теперь все по-другому. Он гость. Хозяйка угощает его, расспрашивает, кто он и

откуда. И вдруг среди разбросанных на полу игрушек он видит тот самый синий камень, похожий на фигурку человека. Хозяйка заметила это и сунула камень под сундук. Значит, этот камень для нее тоже что-то значил. Самое важное для героя свершилось: он нашел синий камень — вместилище своей души, без которого он перестал бы быть монголом. Так герой обретает внутреннюю гармонию.

Вторая половина рассказа похожа на пересказ сна. В ней, как и во сне, действие происходит в ином измерении, по совершенно иным законам. Здесь сознание смещает любые границы, меняет последовательность событий, манипулирует временем, сжимает или, наоборот, растягивает его. Так, например, герой, оглядывая «свой дом и хозяйство», словно парит в пространстве. Его взгляд охватывает одновременно и ближнее и дальнее: «Пасутся белоснежные овцы. На запад тянется небольшой табун темной масти. По пастбищу разбрелось пестрое стадо коров. Там дальше, в Гоби, пасутся верблюды. В восточной стороне юрты хозяйка переливает чай». Или когда ищет камень: «Да точно, должен быть синий камень, похожий на фигурку человека. Цэнгэл хотела забрать себе, но я отобрал и ей достался красный. Поискал. Не нашел. На пастбище поискал, на скалах, под скалами. Куда мог подеваться? Цэнгэл всегда говорит: „Пей чай, мой старик“. Чай готов. Гость сидит...»

В повествовании отсутствуют звенья, логически объясняющие те или иные переходы. В одном ряду стоят события разных времен и мест, перемешивается реальное с нереальным. Все как частица целого, единого сознания героя. Поток мыслей героя лишен логики реального сознания. Это «свободное от головы» сознание сравнимо со сном. Но не идентично ему. Все, что происходит во сне, происходит бессознательно. Здесь же сознание бодрствует, оно бдительно. Герой, скорее, пребывает в медитативном состоянии. Он зритель. Слово все происходит не с ним, а с кем-то другим. Это состояние подготовлено его общим состоянием и близостью к природе. Оказавшись на родине, герой впитывает ее буквально каждой клеткой своего организма. Он как никогда бодр, он ловит каждое ощущение в восприятии окружающей его «родины», возвращение расслабляет его, и он вдруг в полной мере ощущает, как сильно устал за эти годы. Наступает опустошающее чувство облегчения. В голове нет ни одной мысли, разум словно в оцепенении. Природа родных мест — его истинный дом — становится для него целительной. Это состояние человека на родной земле — поток мощной очистительной энергии.

В рамках небольшого рассказа автор открывает новый способ выражения своих мыслей и чувств, что свидетельствует о высоком художественном мастерстве автора, выходящего за границы традиционного рассказа.

Примечания

1. Норов Д. Хух чулуу. Унуудур. № 30. Улаанбаатар, 1998.

2. Н у т а г (монг.) — родное место, родные кочевья, родина.